

Н. М. Люкина (Глазов)

Вопрос о бесермянских говорах удмуртского языка

В последнее время все большее внимание уделяется изучению бесермян: их происхождению, истории, современному состоянию языка и культуры. По итогам Всероссийской переписи населения, которая была проведена в октябре 2002 года численность бесермян составляет 3122 человека. В монографии "Язык бесермян" Т. И. Тепляшина отмечает, что бесермяне живут в Юкамен-

ском, Базезинском, Глазовском, Якшур-Бодьинском (д. Малая Итча) районах УР, а также Слободском районе Кировской области [Тепляшина 1970: 30–35]. Бесермянские деревни островками вкраплены в массу удмуртских, татарских, русских селений. Нами были обследованы следующие населенные пункты: Шамардан, Ежево (бес. *йэжгурт*), Усть-Лем (бес. *с'эдбан*), Жувам (бес. *жуам*), Митрошата (бес. *митрошка*), Нижняя Пажма (бес. *ульс'пажми*) Юкаменского района УР; Юнда (сами жители выделяют Большую Юнду (бес. *вуж йундъ*) и Малую Юнду (бес. *пэс'и йундъ* или *тупал йундъ*) Базезинского района УР; Ворца (бес. Ворча), Логошур (бес. *тал'игурт*) Ярского района УР; Кунды (рус. Верхнее Мочагино), Поска (рус. Паскино), Чабья (рус. Омсино), Чола (Круглово) Слободского района Кировской области.

Следует заметить, что еще в 60–70 годы XX в. Т. И. Тепляшина отмечает чисто бесермянские деревни: Шамардан, Ежево, Усть-Лем, Жувам, Митрошата, Логошур и др. [Тепляшина 1970: 34–35]. В настоящее время данные населенные пункты смешанного типа.

Известно, что в последние годы удмуртские ученые обращались к бесермянскому наречию в двух случаях:

1) с целью дополнения приведенных в публикациях Т. И. Тепляшиной материалов [Федотов 1985; Кельмаков 1992];

2) для пересмотра или уточнения некоторых лингвистических выводов относительно специфики бесермянского диалекта, которые были высказаны Т. И. Тепляшиной [Кельмаков 1985; 1992; 1992а].

Обследование и сравнительная характеристика на современном этапе их развития являются необходимыми, так как:

1) после выхода в свет монографии Т. И. Тепляшиной прошло уже более тридцати лет. Бесермянский диалект не совсем такой, каким он был в 60–70-е годы XX века. В настоящее время некоторые его особенности, нашедшие отражение в работе "Язык бесермян", или утрачены, или употребляются параллельно формам северного наречия удмуртского языка;

2) "отдельные ее положения как в синхронном описании, так и (в особенности) в диахронической части нуждаются в уточнении, детализации или дополнении" [Кельмаков 1992: 34].

В монографическом исследовании автор выделяет в бесермянском наречии три говора: юндинский, лекминский, кильмезский (западный) [Тепляшина 1970: 56–57]. Как отмечает В. К. Кельмаков, "<...> по ее же данным, возможно выделение особой структурно-территориальной единицы и говора д. Малые Итчи Якшур-Бодьинского района <...>; ни к какому говору Т. И. Тепляшиной не отнесена также речь слободских бесермян" [Кельмаков 1998: 43].

Важно и тот факт, что в д. Малая Итча Якшур-Бодьинского района фамилия Поповы (переселенцы из д. Жувам Юкаменского района) сохранилась. Но пожилая женщина (Попова Мария Федоровна, 1934 г. р.) беседовала с нами (полевая диалектологическая экспедиция 2006 г.) на смешанном русско-удмуртском языке. Отсюда следует, что в настоящее время выделить бесермянский говор д. Малая Итча не можем. Основное население здесь говорит на русском языке. В школе, по словам местных жителей, никогда не изучали удмуртский язык.

Летом 2007 года была организована фольклорно-диалектологическая экспедиция к слободским удмуртам (исследование было осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 4).

По имеющимся на сегодняшний день данным [Тепляшина 1970; Кельмаков 1998 и др.] бесермяне засвидетельствованы в низовьях р. Чепцы пределах Слободского района Кировской области. Следует заметить, что на данной территории жители деревень называют себя удмуртами. Речь слободских бесермян нам не удалось зафиксировать. В настоящее время, по-видимому, можно говорить лишь о своеобразии говора слободских удмуртов, который требует отдельного изучения.

Известно, что в монографии Т. И. Тепляшиной рассматриваются специфические черты, общие для всех групп говоров [Тепляшина 1970а: 56; 58]. Последующие полевые исследования выявили, что некоторые частные особенности автором отнесены к общим. Отсюда следует, что изучение и фиксация языкового материала отдельных бесермянских говоров становится в ряд наиболее актуальных вопросов удмуртской диалектологии.

На наш взгляд, на современном этапе развития бесермянского наречия следует выделить следующие говоры: юндинский, лекминский, ворцинский. Нами впервые подробно были исследованы два из них (юндинский, лекминский). Рассматриваемые говоры бесермян имеют ряд особенностей, сближающих их как северными, так и южными диалектами, частично срединными говорами. Наряду с этим, описываемые говоры обладают своими специфическими чертами. В лекминском говоре можно выделить такие особенности: 1) замещение *e* гласным *i* в слове *biz* (удм. лит. *böz*) 'бязь' (впервые зафиксировано нами в д. Н. Пажма Юкаменского района); 2) спорадическое употребление огубленного *i* (*kün'an'* (удм. лит. *кунян*) 'теленок'); 3) дистрибуция в непервых слогах слова (в соседстве с палатальными согласными) гласного *a* на месте общеудмуртского *i* (*ted'a* 'белый'); 4) особенности в области употребления аффрикат; 5) замещение шипящих свистящими (отмечено лишь в с. Ежево: *saj* (удм. лит. *шай* 'могила, кладбище'); 6) впервые зафиксирована лексема *цат'in* 'недавно'; 7) употребление суффикса аблатива *-lās'*; 8) наличие словообразовательного аффикса *-n'ig* (*-n'ik*); 9) датив от личных местоимений 1-го и 2-го лица мн. числа имеет форму *mil'əm* 'нам', *til'əd* 'вам'; 10) употребление взаимноличного местоимения *mäd-mädmdä* 'мы друг друга'; 11) наличие специфических суффиксов у глаголов настоящего времени *-čiko*, *-žiko*; 12) образование отрицательной формы глаголов повелительного наклонения мн. числа при помощи частицы *e-ne* (*e-ne šumete* 'не шумите'); 13) употребление некоторых послелогов в ином значении.

В юндинском говоре следует отметить: 1) особенности в области употребления аффрикат; 2) спорадическую замену общеудмуртского *v*-согласным *z*- в анлаутной позиции (*zim* 'головной мозг'); 3) употребление суффикса аблатива *-les'*; 4) наличие словообразовательного аффикса *-n'i*; 5) наличие формы датива личных местоимений 1-го и 2-го лица мн. числа *mil'em* 'нам',

til'ed 'вам'; 6) употребление взаимно-личного местоимения *og-ogmā* 'мы друг друга'; 7) наличие обстоятельственного наречия *al'i* 'сейчас'.

Языковые материалы показали, что между сравниваемыми говорами бесермян некоторые расхождения отмечаются как в фонетическом, так и морфологическом оформлении, а также в употреблении некоторых лексем. Следует отметить, что в юндинском говоре прослеживается постепенное стирание бесермянских особенностей.

Ворцинский говор, на наш взгляд, несколько отличается от исследуемых говоров. Определенную лепту в изучение своего говора внес М. И. Федотов [Федотов 1982; 1985]. В небольшой по объему публикации "Ворцинский говор бесермянского наречия" автор дает некоторые сведения о своей деревне. По национальному составу население относится к числу смешанных (тат.- рус.- удм.).

В данном говоре М. Федотов отмечает 6 гласных фонем (*a, э, o, ъ, y, u*). Автор выделяет лишь некоторые особенности:

- 1) в соседстве с мягкими согласными гласный *ū* не появляется;
- 2) литературному *жэ* регулярно соответствует *ž*.

Данное утверждение поддержали и другие ученые [Кельмаков 1992а: 35; Белова 2000: 26]. Следует заметить, что М. Федотов не обратил внимания на диссимилятивную палатализацию велярных аффрикат перед *-Vž(-)* и *-Vš(-)*, напр.: *д'уштэ* 'стонет', *д'ожон* 'толокно' [ДЭ 2004];

- 3) носовой согласный *ŋ* не зафиксирован (с. 117).

Далее автором даны образцы речи, откуда можно извлечь многие языковые особенности ворцинского говора:

- 1) выпадение гласных: *шуса* 'чтобы, из-за' (с. 127), *оз'луиз тин'* 'так случилось вот' (с. 119);

- 2) замещение инлаутной аффрикаты *č* палатальным *ç*: *кочо* 'сорока', *къче* 'какой' (с. 118);

- 3) замещение инициального *ç* палатальным *m'* при наличии в слове дистантно следующих фрикативных согласных: *m'ас* 'часы' (с. 128), *m'эрсълим* 'пряли' (с. 129);

- 4) образование глаголов возвратного залога при помощи суффиксов *-чик-*, *-žик-*: *бэрикчико* 'оборачиваются' (с. 128), *вэлžикил'лам* 'они распространились' (с. 122);

- 5) употребление суффикса аблатива *-льс'*: *иванльс'* 'Ивана' (с. 124);

- 6) наличие серии приблизительноместных падежей: *ос'ьптин'ис'эн* '(в доме) потомков сына Осипа' (с. 118), *вас'аосн'ьс'* 'из рода Василия' (с. 124) и другие.

К большому сожалению, на сегодняшний день ворцинский говор бесермян недостаточно изучен, поэтому требует, на наш взгляд, отдельного детального исследования.

Следует заметить, что определенное влияние на процесс развития языка бесермян в настоящее время оказывают соседние северноудмуртские диалекты и русский язык.

Список литературы

Белова Е. Б. Функционирование удмуртских аффрикат / Удм. ин-т ИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2000. 48 с.

Кельмаков В. К. К вопросу о болгарском субстрате в языке бесермян // Вопросы диалектологии тюркских языков / АН СССР. Башк. филиал ин-т ИЯЛ. Уфа, 1985. С. 114–122.

Кельмаков В. К. Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах (= Удмурт вераськетъёс 1) / Удм. гос. ун-т; науч. ред. С. В. Соколов. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. 176 с.

Кельмаков В. К. К описательной и исторической фонетике бесермянского наречия // В. К. Кельмаков. Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах (= Удмурт вераськетъёс 1) / Удм. гос. ун-т; науч. ред. С. В. Соколов. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992а. С. 33–107.

Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.

Тепляшина Т. И. Язык бесермян // АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1970а. 288 с.

Федотов М. И. Ворцинский говор бесермянского наречия // Образцы речи удмуртского языка / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1982. С. 116–130.

Федотов М. И. Термины родства бесермян // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XIX вв.: сб. статей / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Устинов, 1985. С. 116–131.